

Лев Николаевич Гумилев

Древнемонгольская религия

Одной из наиболее пагубных для научного мышления ошибок являются предвзятые мнения, которые, будучи некогда высказаны как гипотезы, в дальнейшем принимаются как непререкаемые истины. Сила давности парализует критику, и ложное мнение укореняется, искажая картину исторического процесса. К числу таких мнений принадлежит представление о монгольской религии XII-XIII вв. как о примитивном язычестве.

В 1891 г. Дорджи Банзаров описал взгляды монгольских, вернее бурятских, современных ему язычников, снабдив сочинение большим количеством исторических экскурсов, и в заключение сделал вывод, «что так называемая шаманская религия, по крайней мере у монголов, не могла произойти от буддизма или какой-либо другой веры». [\[1, с. 5\]](#) По его мнению, «черная вера монголов произошла из того же источника, из которого образовались многие древние религиозные системы; внешний мир — природа, внутренний мир — дух человека и явления того и другого, вот что было источником черной веры». [\[1, с. 5\]](#)

Согласно описанию Банзарова, черная вера заключается в почитании: а) неба, б) земли, в) огня, г) второстепенных богов — тэнгри и д) онгонов — душ умерших людей.

Уже самое количество и разнотипность божеств заставляют нас заподозрить, что мы имеем не стройную систему политеизма, как, например, эллинская религия, а синкретизм, т. е. сосуществование различных верований, не всегда достаточно увязанных между собой. Роль шамана, по Банзарову, заключается в том, что он «является жрецом, врачом и волхвом или гадателем». [\[1, с. 37\]](#) Как жрец — он приносит жертвы по праздникам и по другим поводам, как врач — он вызывает духа, мучающего больного, и принимает его в свое тело; роль его как гадателя ясна.

Нет сомнений, что современные Банзарову буряты использовали именно такую систему. Но так ли было в XII и XIII вв.?

Несколько иначе выглядит монгольская религия XIII в. у Н. Веселовского, [\[3, с. 81-101\]](#) писавшего исключительно на основании письменных источников. Несмотря на то что на первой странице перечислена почти вся известная литература о монгольских верованиях, Веселовский упорно называет религию татар шаманизмом, понимая под этим последним эклектическое сочетание всевозможных религиозных представлений.

На первое место Веселовский ставит поклонение огню, считая это явление свойственным всем примитивным религиям (?!), на второе — поклонение солнцу и луне, [\[3, с. 92\]](#) об этом культе Банзаров не сообщает. Затем идет поклонение кусту, «смысл которого мы разгадать теперь не можем», [\[3, с. 94\]](#) и поклонение идолам, которых Н. Веселовский отождествляет с онгонами-духами предков, хотя тут же называет их «хранителями счастья, стад, покровителями звероловства» и т. д. [\[3, с. 96\]](#) Противоречие не смущает автора.

Конец работы посвящен вопросу о веротерпимости татар, вытекающей якобы из их религиозных представлений, но, однако, необходимо установить, что Веселовский дает совершенно иную картину, нежели Банзаров, и вместе с тем делает ту же ошибку, смешивая в одно целое: 1) культ природы, 2) магию и приметы и 3) экстатические манипуляции шаманских медиумов. Подобно Банзарову, он принимает исторически сложившийся синкретизм за догматику положительной религии.

Вернемся к Банзарову. При внимательном прочтении его книги немедленно возникают вопросы:

1) С какими духами имеют дело шаманы? С духами ли умерших, т. е. онгонами, или с духами природы — земли = этуген (что следует из именованя шаманок-идоган)? [\[1. с. 16\]](#)

2) Какое отношение имеют шаманские духи к главному богу — Небу?

3) Почему главному богу шаманы никак не поклоняются и даже игнорируют его?

4) Банзаров пишет, что «Небо» нельзя считать тождественным с богом, [\[1. с. 7–8\]](#) так как Небо монголы представляли Правителем мира, вечным Правосудным и Источником жизни. А что же тогда бог?

5) Банзаров усиленно и тенденциозно старается представить Небо безличным и сообщить культу Неба в XIII в. деизм, который он наблюдал в XIX в., хотя факты, приводимые им ниже из источников XIII в., противоречат этому.

6) Банзаров выводит культ огня из зороастрийской Персии, вопреки своему первоначальному утверждению об автохтонности шаманизма. Верный предвзятому мнению об автохтонности черной веры, Банзаров смешивает в одно религиозные понятия хуннов III века до н. э., тюрков VI века н. э., монголов XIII века и бурят XIX века. Естественно, что эти различные культуры увязать в единую систему невозможно, но это и нужно было Банзарову, боровшемуся с шаманизмом с позиций буддизма. [\[1. с. 45–46\]](#)

Чрезвычайно ценные сведения о древней религии монголов мы можем найти у Вельгельма Рубрука, монаха-минорита, ездившего к Мангу-хану и весьма интересовавшегося вопросами религии. Он предпринял свое путешествие, дабы убедиться, что Сартак, сын Батя, действительно христианин, как ему сообщили его осведомители — черноморские купцы. Оно так и оказалось, но любопытно, что секретарь Сартака, Койяк запретил Рубруку говорить Батю, что Сартак — христианин, сказав: «Он не христианин, а Моал». [\[6. с. 114\]](#) Рубрук был возмущен тем, что татары путают религии и нации, однако надо думать, что Койяк, сам несторианин, понимал, что говорил. Когда Рубрук прибыл к Мангу-хану, то ему удалось участвовать в религиозном диспуте, где мусульмане и христиане, объединившись на платформе единобожия, полемизировали с буддистами. Тогда высказал свою точку зрения и Мангу-хан. Он сказал: «Мы, Моалы, верим в единого Бога, которым мы живем и которым умрем...» Волю бога узнавали через прорицателей. [\[6. с. 173–174\]](#) Это и было credo монгольской веры, столь сокращенно записанное Рубруком. Очевидно, ее и имел в виду Койяк, противопоставляя монголов христианам, и несомненно, что эта доктрина значительно отличается от описанного Банзаровым политеизма. Но можно ли все-таки считать ее монотеизмом?

Плано Карпини в главе «О Богопочитании татар» говорит следующее: «Они веруют в единого Бога, которого признают творцом всего видимого и невидимого, а также признают его творцом как блаженства в этом мире, так и мучений, однако они не чтут его молитвами, или похвалами, или каким-нибудь обрядом. Тем не менее у них есть какие-то идолы из войлока...» Сверх того, «они набожно поклоняются солнцу, луне и огню, а также воде и земле, посвящая им начатки пищи и питья и преимущественно утром, раньше чем начнут есть или пить». [\[6. с. 28, 29\]](#)

Плано Карпини хотя и не замечен в сознательной лжи, но требует осторожного к себе отношения. Во время бешеной езды на перекладных до ставки Гуюка и обратно, при недоедании и незнании языка трудно произвести исчерпывающие наблюдения. Поэтому нет на нем вины за то, что поклонение Небу он понял как поклонение светилам и к культу земли самочинно прибавил культ воды. В остальном он согласен с Гайтоном-армянином, сообщающим нам: «Они (татары) знают единого, вечного бога и призывают его имя, но это все. Они не молятся и не удерживаются от грехов ради страха божьего». [\[9. с. 72\]](#)

Не менее определенно о монотеистическом богопочитании говорит Рашид-ад-Дин:

1. В разговоре с сыновьями Чингис-хан сказал: «Силою Господнею и с помощью Небесною

я завоевал для вас, деток, царство». [\[2, с. 96\]](#)

2. В наказе Джэбэ и Субутаю Чингис-хан сказал: «Силою Бога великого, пока не возьмете его (Мухаммеда) в руки, не возвращайтесь». [\[2, с. 60\]](#)

3. Чингис-хан сказал про себя «...дело его, словно новый месяц, возрастает со дня на день; от Неба силою Всевышнего Бога нисходит победоносная помощь, а на земле, помощью его, явилось благоденствие». [\[2, с. 121\]](#)

4. В наказе воинам: «И пусть он (воин), всегда моля усердно Всевышнего Бога, со смиренным сердцем желает украшения восьми сторон, дабы силою Предвечного Господа можно было взять в одном месте четыре предела». [\[2, с. 123\]](#)

5. Наконец, есть текст молитвы Чингис-хана, когда он молился на вершине холма, повесив на шею пояс, развязав завязки плаща и пав на колени: «О предвечный Господь, ты знаешь и ведаешь, что Алтан-хан начал вражду... Я есмь ищущий за кровь возмездия и мщения. Если знаешь, что возмездие мое правое, ниспошли свыше мне силу и победоносность и повели, чтобы мне помогали ангелы, люди, пери и дивы». [\[2, с. 127\]](#)

Эти слова могли бы показаться традиционными мусульманскими обращениями к Аллаху, но имя Аллаха нигде не упоминается, а везде стоит персидское слово «Худо».

Но самые драгоценные сведения о наличии у монголов культа верховного единого бога берем мы из «Сокровенного сказания». Там этот бог называется «Вечное Небо». Монголы различали материальное «голубое» небо от духовного «Вечного» Неба. [\[1, с. 6\]](#) «Вечное» Небо, согласно Банзарову, не было личным богом, а лишь мировым порядком, но не только вышеприведенные, но и нижеследующие цитаты убеждают нас в противном.

В словах Чингис-хана Вечное Небо выступает как податель помощи. «Вечное Небо умножит силу и мощь вашу и предаст в ваши руки Тогтаевых сыновей», [\[7, с. 199\]](#) или «Когда с помощью Вечного Неба будем преобразовывать всенародное государство наше...». [\[7, с. 203\]](#)

Но Вечное Небо требует не только молитвы, но и активности: «...ты, Чжурчедай, ударил на врага. Ты опрокинул всех: и чжиргинцев, и тубеганцев, и дунхайтов, и тысячу отборной охраны Хори-Шилемуна. Когда же ты продвинулся до главного среднего полка, то стрелою-учумах ты ранил в щеку румяного Сангума. Вот почему Вечное Небо открыло нам двери и путь». [\[7, с. 208\]](#)

Как мы видим, Вечное Небо — бог — не только податель активной помощи, но и требующий активности у своих верных, т. е. более активный, чем кальвинистский Gott, дающий спасение по вере без дел.

Как будто мы можем признать у монголов культ единого, всемогущего и активного бога, но дело обстоит не так просто.

«Сокровенное сказание» с полной определенностью сообщает нам, что Тэнгри был единственным богом монголов, наряду с Небом упоминается Земля — Этуген. Темучин сказал: «Мы... умножаемые в силе Небом и Землей, нареченные могучим Тэнгри и доставляемые матерью-Землей»; [\[7, с. 113\]](#) «...в керайтском походе мы, восприняв умножение сил от Неба и Земли, сокрушили и полонили керайтский народ». [\[7, с. 208\]](#)

Тут — явный дуализм, но надо полагать, что Небо почитается больше Земли, так как Небо постоянно упоминается без Земли, тогда как Земля без Неба — никогда.

Плано Карпини сообщает, что татары через чародеев вопрошают бога Итогу, которого команы (тюрки) называют Кам. [\[6, с. 31\]](#) Итога, по вполне справедливой догадке Банзарова, безусловно, монгольская Этуген, а кам — шаман. [\[1, с. 16\]](#) Согласно Плано Карпини, монголы боялись этого божества и приносили ему жертву. Этуген почиталась путем сооружения «обо», причем в Древности над обо совершались кровавые жертвоприношения. [\[1, с. 18–19\]](#)

Не менее определенно говорит о наличии двоебожия Марко Поло: «Они (?) говорят, что

есть верховный небесный бог: ежедневно они возжигают ему курения и просят у него доброго разума и здоровья... Есть у них бог, зовут они его Натигай и говорят, что то бог земной, бережет он их сынов и их скот да хлеб». [\[4, с. 90, 275\]](#)

И в другом месте: «...у каждого высоко на стене прибита табличка, на которой написано имя, обозначающее всевышнего небесного бога. Ей поклоняются с кадилом фимиама, поднимают руки вверх и кладут земные поклоны, чтобы бог дал хороший ум и здоровье, а другого не просят. Ниже, на полу стоит изображение, которое зовется Натигаем; бог земных вещей, рождающихся по всей земле. Ему придают жену и детей и поклоняются также... У него просят хорошей погоды, земных плодов, сыновей и т. п.». [\[4, с. 126\]](#)

Это двуединое божество монголов было известно русским летописцам, которые рассматривали его как дьявола. В Ипатьевской летописи по этому поводу сказано: «Приходящая цесари, и князи, и вельможе, солнцю и лууне (т. е. небу) и земли, дьяволу и умершим во аде отцомъ их и дедом и матерямъ (онгонам) водяше около коуста поклонятися им, о скверная прелесть их». [\[3, с. 806\]](#) Понятия, разнящиеся между собой, разделены предлогом и, но в выражении «земли, дьяволу» «и» нет. Очевидно, по современной орфографии должно было бы стоять «земле-дьяволу». А русские люди XIII века о дьяволе имели достаточное представление и не путали его никогда и ни с кем. Верные ранневизантийской традиции Нового Завета, они считали дьяволами древних богов, противников Христа. Так, дух бездны назывался по-еврейски Абаддон, а по-эллинически — Аполлон. [\[5, IX, 11\]](#) К числу дьяволов самого высокого разряда ранние христиане относили Митру, наиболее опасного соперника христианства. Так что тут можно с большой долей вероятности сказать, что Этуген в понимании русского летописца отождествилась с каким-то известным ему эллиническим божеством. Но с каким? Ведь Этуген нераздельна с Тэнгри, и летописец это понимал.

А сами монголы? Ведь они-то свое божество не считали злым началом, что вполне вытекает из приведенных цитат. Но так как религии без определения зла не бывает, то обратимся к рассмотрению того, против чего боролось монгольское двуединое божество, иными словами: что монголы считали грехом?

Убийство, насилие, грабеж, угон скота как грех не рассматривались. Это была бытовая норма, способ взаимоотношений между племенами. Понятия «разврат» вообще не было, потому что женщина была уважаема и с ее желаниями мужчины считались. Непослушание каралось только в военных условиях; как расхлябанность оно осуждалось, но считалось за слабость, а не за грех. Только одно представлялось монголам чудовищным — обман доверившегося и предательство. Убийство посла монголы всегда рассматривали как повод к войне, и вполне достаточный. Когда воины мятежного Чжамухи выдали своего вождя Чингис-хану, их казнили перед глазами преданного князя. Зато когда кераитский полководец в арьергардном бою задержал монголов, чтобы дать время своему хану уйти от погони, он был помилован и принят в монгольское войско в чине нойона. Принцип был настолько силен, что выгода и ущерб при соблюдении его не принимались во внимание. Значит, этот принцип был частью мировоззрения, т. е. монгольское божество было врагом дней, позволяя своим верным все остальные наклонности и поступки. Это — очень важная деталь. Так ведут себя по отношению к людям далеко не все боги. Поэтому обратим внимание на имя монгольского божества, тем более что оно сохранилось до XIX в. Это персидское слово, известное весьма широко, — Хормуста (не путать с именем Ормузд). Это имя помещено в словаре Голстунского и Ковалевского, у Дорджи Банзарова [\[1, с. 11\]](#) и у Блоше. [\[10, с. 41\]](#)

Банзаров не сомневается, что Хормуста и Небо — одно и то же. Чингис-хана называли то сыном Неба, то сыном Хормусты, то по-китайски Тянь-цзы (прекрасный корректив. — Л.Г.).

Буддисты, переводя санскритские и тибетские книги на монгольский язык, именовали Индру Хормустой, что показывает на то, что этот термин успел уже укорениться в Монголии к моменту начала буддийской пропаганды. Тут даже Банзаров уступает очевидности и, вопреки собственным заявлениям об автохтонности черной веры, замечает: «При лучшем знакомстве с шаманством монголов найдется в нем, может, много общего с учением Зороастра». [\[1, с. 25\]](#) Но что эти религии роднит и что разделяет? Прежде всего отпадает трактовка Тэнгри — Вечного Неба как безличного мирового порядка. Она и до этого противоречила фактам, а сейчас с ней можно вовсе не считаться. Но отсутствие вражды между небесным и земным божествами исключает концепцию влияния зороастризма.

Иранская терминология, очевидно, попала к монголам не через зороастрийцев, а через манихеев, обративших в 762–763 гг. уйгуров. Однако монголы полностью переосмыслили персидское слово и, назвав свое божество Хормустой, заставили его кооперироваться с подземным женским началом, что придало исповеданию черты, не свойственные прототипу. Равным образом невозможно называть Древнемонгольскую религию шаманизмом. В стройной философии шаманизма нет места для божества, создателя или промыслителя. Там мир состоит из верхнего, среднего, в котором живут люди, и нижнего; мы бы сказали макромир, мезомир и микромир. Люди верхнего и нижнего миров, попадая в средний мир, воспринимаются как духи, но так же воспринимаются ими люди среднего мира, попадающие к ним. Общение между мирами осуществляется шаманами (индийское слово, означающее «слушающий» звуки инобытия в состоянии экстаза). Это практика, а не догма. Общение связано с половой связью женщины иного мира (аями) с мальчиком, который и становится благодаря этому шаманом. [\[8\]](#) «Мировое древо», прорастающее через все три мира, — образ, который в переводе на современный язык означает имманентность инобытия. Ну что тут общего с древнемонгольской религией?

Несколько больше параллелей с угорской религией, которую сами ее носители не отождествляют с тунгусским шаманством. Там тоже есть небесное доброе божество — Юма и злое земное — Керемет, но, в отличие от монгольской веры, вся активность принадлежит Керемету. Это близко, но не то. Скорее, у монголов имела место древнеазиатская концепция, подвергшаяся влиянию манихейства и оформившаяся не раньше IX в. в стройную систему. Крайне важно, что эта система резко противопоставляла себя христианству, игравшему в это время в Центральной Азии самую активную роль. Такой религией может быть только бон — тибетская черная вера.

И тут возникает последний вопрос: мог ли дружить монгольский бог Хормуста с Христом? Вряд ли! Ни манихейские традиции, ни объединение светлого, небесного начала с земным и темным не могли быть приемлемы для христиан. Соперничества между Тринединным и Двинединным не могло не быть, и тень вражды легла на монгольскую историю XIII века.

Еще в 1206 г. светская власть в лице Чингис-хана и духовная, представленная священнослужителем — жрецом Кокочу, как это часто бывает, столкнулись, и Кокочу был предательски убит. Сама черная вера не была поколеблена, но с этого времени и речи не возникало об ограничении несторианства. Исключение представляли только члены ханского рода, которым запрещалось креститься. Но победа несторианства была эфемерна: в конце XIII в. оно претерпело военный разгром, от которого не оправилось. Разделение монгольского улуса оказалось роковым и для черной веры.

Древнемонгольская религия исчезла потому, что ее носители — монгольская знать — приняли на западе ислам, а на востоке — буддизм. И тогда-то в страну, лишенную вождей и принципов, широкой струей влилась шаманистская практика, образовав у бурят, халхасцев, алтайцев и тувинцев причудливые формы идеологического синкретизма, являющиеся продуктом

распада оригинальных религиозных систем.

notes

Банзаров Д. Черная вера. СПб., 1891.

Церезин И.Н. Собрание летописей, II //Труды Восточного отд. Русского Археологического общества», 1888, XV.

Веселовский Н. О религии татар по русским летописям //Журнал Министерства народного просвещения, Пг. Т. LXIV, 1916, N 7, отд. 2.

Книга Марко Поло. М., 1955.

Новый Завет. Откровение Иоанна Богослова.

Иоанн де Плано Карпини. История монголов. Вильгельм де Рубрук Путешествия в восточные страны. М., 1957.

Козин С.А. Сокровенное сказание. М.-Л., 1941.

Штернберг Л.Я. Избранничество в религии //Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936.

Bergenn P. Voyages faits en Asie dans les XII, XIII, XIV et XV siecles. La Haye 1735

Blosset E. Etudes sur l'histoire religieuse de l'Iran //Revue de l'histoire de religion. T. 38, P., 1878.